

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

Творчество Николая Заболоцкого еще каких-нибудь десять лет назад было известно лишь немногим любителям современной поэзии. В двадцатые годы Н. Заболоцкий отдал щедрую дань так называемому «левому» искусству, — на его первом сборнике «Столбцы» лежала печать формального экспериментаторства и «остраненного» изображения действительности. С тех пор «Столбцы» не переиздавались, а значительное число произведений, написанных Заболоцким на рубеже двадцатых и тридцатых годов, вообще не появилось в печати при жизни автора.

Мучительно и трудно прокладывал себе новое русло талант поэта, преодолевая возникший после «Столбцов» разлад с читателем. В записи, сделанной незадолго до смерти, Н. Заболоцкий как бы подвел итог своим размышлениям о пройденном пути: «Литература должна служить народу, это верно, но писатель должен прийти к этой мысли сам, и притом каждый своим собственным путем, преодолев на опыте собственные ошибки и заблуждения».¹

В тридцатые годы Н. Заболоцкий обратился к теме природы. Его поэзия все больше проникалась напряженной мыслью, стремлением постичь сложную диалектику разнообразных связей человека — мыслителя и творца — с породившим и окружающим его миром. Иные из попыток поэта уловить эти связи оказались лутаными и наивными («Торжество земледелия»), иные грешили

¹ Запись от 10 июля 1958 г. Хранится в архиве семьи Заболоцких.

рационализмом и риторикой, однако в творчестве Н. Заболоцкого (если брать его в целом) произошел очевидный сдвиг. В его даровании обнаружились новые грани, на палитре появились свежие краски. Этот плодотворный процесс не остановило даже то, что в 1938 году Н. Заболоцкий разделил участь многих безвинно пострадавших людей и лишь через несколько лет вернулся к творческой работе.

В своем послевоенном творчестве поэт еще шире раздвинул границы своего поэтического мира. В его стихах стал полноценно, реалистически вырисовываться облик беззаветных тружеников, из чьих усилий слагался великий подвиг народа-созидателя.

Атмосфера, сложившаяся в литературе в результате принятого партией курса на восстановление ленинского стиля руководства страной, вызвала у Н. Заболоцкого огромный творческий подъем. Как и многие поэты старшего поколения — Н. Асеев, В. Луговской, Л. Мартынов, — он переживает своего рода «второе рождение». «Однажды он сказал мне, — вспоминает поэт Б. Слуцкий о последних месяцах жизни Заболоцкого, — что находится в состоянии особого подъема, когда все начатое завершается и когда новые большие замыслы обступают со всех сторон. В немногие месяцы были написаны многие десятки стихотворений. А ведь обычно Николай Алексеевич писал скупо и редко».¹

Разнообразие тематики, идейная глубина, живописность и классическая ясность последних произведений Н. Заболоцкого вызвали все возрастающий интерес к его творчеству и у читателей, и у критики, до тех пор не баловавшей его вниманием.

1

Николай Алексеевич Заболоцкий родился 24 апреля 1903 года под Казанью, на ферме, где его отец был агрономом.

Вятский крестьянин по происхождению, Алексей Агафонович Заболотский (поэт несколько изменил написание своей фамилии) на казенную стипендию окончил Казанское сельскохозяйственное училище. «По своему воспитанию, нраву и характеру работы он стоял где-то на полпути между крестьянством и тогдашней интеллигенцией, — вспоминал поэт в автобиографическом очерке «Ранние годы». — Не столь теоретик, сколь убежденный практик, он около 40 лет проработал с крестьянами, разъезжая по полям своего

¹ «Литература и жизнь», 1959, 21 июня.

участка, чуть ли не треть уезда перевел с трехполья на многополье и уже в советское время шестидесятилетним стариком был чествуем как герой труда, о чем и до сих пор в моих бумагах хранится немудрая уездная грамота». ¹

Мать поэта Лидия Андреевна Дьяконова — школьная учительница из уездного города Нолинска. В семье было шестеро детей.

В 1910 году семья переехала на родину отца — в Уржумский уезд Вятской губернии, где А. А. Заболотский получил место агронома в небольшом селе Сернур.

«Мои первые неизгладимые впечатления природы связаны с этими местами, — вспоминал поэт. — Вдоволь наслушался я там соловьев, вдоволь насмотрелся закатов и всей целомудренной прелести растительного мира. Свою сознательную жизнь я почти полностью прожил в больших городах, но чудесная природа Сернура никогда не умирала в моей душе и отобразилась во многих моих стихотворениях». ²

Н. Заболотский был старательным учеником сельской начальной школы, где окончил три класса. Однако его истинным наставником и воспитателем стал книжный шкаф отца. Рядом с заботливо собранными, хотя и не так уж часто листаемыми самим хозяином томками русских классиков (приложениями к популярному журналу «Нива») красовалось наивно-поучительное, вырезанное из календаря изречение о пользе книг. «Здесь, около книжного шкафа... я навсегда выбрал себе профессию и стал писателем, сам еще не вполне понимая смысл этого большого для меня события», ³ — вспоминает поэт.

В 1913 году, когда Н. Заболотский отправился сдавать экзамены в реальное училище города Уржума, он уже писал стихи.

Несмотря на то что Уржум находился в 180 километрах от железной дороги и мог показаться городом только по контрасту с Сернуром, оборудование училища находилось на высоком уровне. Были кабинеты по физике и химии, класс для рисования с отдельными мольбертами для каждого ученика и копиями античных скульптур. Недаром «живопись была предметом всеобщего увлечения», ⁴ а сам Н. Заболотский на всю жизнь пристрастился к ней.

¹ Сборник «Тарусские страницы». Калуга, 1961, стр. 312.

² Там же, стр. 313.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 314.

Не только в «Ранних годах» самого поэта, но и в воспоминаниях его однокашника М. И. Касьянова¹ мы находим благодарные отзвухи о некоторых учителях, в особенности об историке В. П. Спасском.

Реалисты участвовали в любительских постановках пьес и даже опер. Стихотворные увлечения и опыты объединяли Н. Заболоцкого с несколькими товарищами, которые, по воспоминаниям Касьянова, издавали рукописный журнал.

Очерк поэта «Ранние годы» обрывается на годах первой мировой войны. Оставленная же им автобиография скупко повествует о последующем, несравненно более важном для его формирования как человека и поэта, времени: «Первые годы революции я встретил 14—15-летним мальчиком. В городе появилось много новой интеллигенции. Были и столичные люди — музыканты, учителя, актеры. Некоторые из них поощряли мои литературные опыты, советовали больше работать, ехать в центр. Намерение сделаться писателем окрепло во мне. Весной 1920 года я окончил школу и осенью приехал в Москву, где был принят на 1-й курс историко-филологического факультета 1-го Московского университета. Однако устроиться в Москве мне не удалось, и в августе 1921 года я уехал в Ленинград и поступил в Педагогический институт им. Герцена по отделению языка и литературы. ...Жил в студенческом общежитии. Много писал, подражая то Маяковскому, то Блоку, то Есенину. Собственного голоса не находил. Считался способным студентом и одно время даже думал посвятить себя всецело науке. Но привязанность к поэзии оказалась сильнее... В 1925 году я окончил институт. За моей душой была объемистая тетрадь плохих стихов, мое имущество легко укладывалось в маленькую корзинку. В 1926 году я был призван в армию. Военную службу я отбывал в Ленинграде, на Выборгской стороне, в команде краткосрочников 59-го стрелкового полка 20-й пехотной дивизии. Наша большая стенгазета, в редакцию которой я входил, считалась лучшей стенгазетой в округе. В 1927 году я сдал экзамены на командира взвода и был уволен в запас».²

В воспоминаниях М. И. Касьянова можно найти некоторые подробности короткого пребывания Заболоцкого в Москве. Необходимость как-то обеспечить себе существование заставила однокашников поступить и на медицинский факультет, где можно было получить продовольственный паек. «...Вечера мы делили ме-

¹ Рукопись в архиве семьи Заболоцких.

² Н. Заболоцкий. Избранное. М., 1960, стр. 233.

жду посещениями театров, Политехнического музея, кафе поэтов... В театры нам удавалось ходить редко, финансы наши этого нам не позволяли; разве что иногда посчастливится проникнуть зайцами, но обычно уже на второе действие. Николаю, да и мне, особенно нравился театр Мейерхольда. Большое впечатление на нас произвели «Зори» Э. Верхарна, когда в последнем действии актер, вместо полагающегося по ходу действия монолога, зачитал свежую фронтовую сводку о взятии Перекопа... В Политехнический музей мы ходили на различные диспуты и на литературные вечера. Там мы не раз слушали Брюсова, читавшего свои новые стихи. Бывали мы и на вечерах пролетарских поэтов: В. Кириллова, М. Герасимова, А. Гастева. Очень часто выступал там В. В. Маяковский... Гораздо чаще, чем в Политехническом музее, мы бывали в кафе поэтов «Домино» на Тверской... Царили в кафе поэтов тогда имажинисты во главе с Вадимом Шершеневичем... Часто бывал в кафе Сергей Есенин...

Однако формирование Н. Заболоцкого как поэта произошло несколько позже. «Появляется какое-то иное отношение к поэзии, тяготение к глубоким, вдумчивым строфам, тяготение к сильному смысловому образу», — писал он Касьянову 7 ноября 1921 года, уже из Ленинграда. В других письмах к Касьянову упоминается «божественный Гете» и «замечательные стихи» О. Мандельштама, к которым юноша испытывает «непреодолимое влечение».

Впоследствии Заболоцкий говорил, что самое сильное влияние на него в молодости оказали «Диалектика природы» Ф. Энгельса и труды К. Циолковского.¹ «Диалектика природы» впервые появилась в печати только в нашей стране, в 1925 году. Н. Заболоцкий читал либо это, либо второе, более удачное издание 1929 года и, видимо, был настолько захвачен мастерски нарисованной картиной вечного круговорота и разнообразных взаимосвязей, существующих в природе, что это в известной мере отразилось в его позднейших произведениях.

Забегая вперед, скажем, что в 1931—1932 годах между К. Э. Циолковским и Заболоцким возникла переписка, что поэт послал ученому «Торжество земледелия», а тот ему несколько своих работ. «Ваши книги я получил, — писал Заболоцкий. — Благодарю Вас от всего сердца. Почти все я уже прочел, но прочел залпом. На меня надвинулось нечто до такой степени новое и

¹ См.: Симон Чиковани. Верный друг грузинской поэзии. — «Литературная Грузия», 1958, № 6, стр. 68.

огромное, что продумать его до конца я пока не в силах: слишком воспламенена голова».¹

Вскоре по окончании службы в армии Заболоцкий примкнул к группе «обереутов» — молодых писателей, создавших полудомашнее «Объединение реального творчества». В «объединение» входили А. Введенский, Ю. Владимиров, Д. Хармс и некоторые другие начинающие литераторы. Близок к ним был поэт и прозаик К. Вагинов, выступавший в литературе с начала двадцатых годов. В декларации «обереутов» утверждалось право поэтов на интуитивное постижение мира, на аналитическое разложение его на составные элементы сообразно «внутреннему чувству» художника. Входившие в «объединение» поэты отдали дань довольно разнородным литературным влияниям, в их стихах слышались отзвуки то Хлебникова, то Мандельштама.² «Обереутам» не удалось как-либо выделиться среди прочих пестрых литературных объединений и групп двадцатых годов. Стихи большинства из них так и остались не собранными. Проза К. Вагинова вращалась в кругу переживаний интеллигенции либо откровенно обывательского толка («Бамбочада», 1931), либо фатально замкнутой в своем профессиональном мире («Козлиная песня», 1928; «Труды и дни Свистонова», 1929).

Вместе с другими «обереутами» Н. Заболоцкий начал пробовать силы в детской литературе. Выпуском детской литературы в Ленинградском отделении Государственного издательства тогда руководил С. Я. Маршак. Вспоминая о работе для детей Д. Хармса, А. Введенского и Ю. Владимирова, Л. К. Чуковская пишет: «Это были молодые, еще совсем молодые люди... задорно называвшие себя непонятным именем «обереуты» и сочинявшие, в подражание Хлебникову, заумные стихи. Какой прок, казалось бы, можно извлечь для детской литературы, требующей содержательности и ясности, из заумного творчества? «Но мне казалось, что эти люди могут внести причуду в детскую поэзию, ту причуду в считалках, в повторях и припевах, которой так богат детский фольклор во всем мире», — рассказывал впоследствии Маршак. За

¹ Этот отзыв приведен как письмо литератора Н. З. из Ленинграда, присланное в январе 1932 г., в брошюре К. Циолковского «Стратоплан — полуреактивный». Калуга, 1932, стр. 31. Подробнее об этом см.: А. Павловский. Из переписки Н. А. Заболоцкого с К. Э. Циолковским. — «Русская литература», 1964, № 3, стр. 219—226.

² См., например, Конст. Вагинов. Опыты соединения слов посредством ритма. Л., 1931.

их молодым, задорным экспериментаторством он сумел разглядеть и талантливость, и большую чуткость к слову». ¹

В редакции популярных детских журналов «Еж» и «Чиж», где работали поэт Н. М. Олейников ² и Е. Л. Шварц (впоследствии известный драматург), также царила атмосфера, благоприятная для творчества, пронизанная искренним интересом к маленьким читателям. Редакция охотно печатала наивные детские рисунки, и не только художники-иллюстраторы были не прочь перенять у ребят поразительную свежесть и остроту зрения, наблюдательность, сквозящую в рисунках откровенность оценок. «Снизу к туловищу приделаны ноги. Четыре штуки, и все на копытах» — так описывает мальчишка носорога в рассказе Н. Заболоцкого «Приключения врунов». ³ Интерес к детскому мировосприятию и творчеству сказался и в ранних стихах Н. Заболоцкого.

2

Первый сборник Николая Заболоцкого «Столбцы» (1929) расценивается обычно как проявление растерянности поэта перед нэпом, перед мещанством, с одной стороны, и как результат увлечения формальными задачами, — учеба у Хлебникова, — с другой. Дальнейший путь Заболоцкого справедливо трактуется как отход от «Столбцов» и примыкающих к ним поэм («Торжество земледелия», «Безумный волк», «Деревья») и обращение к традициям классической русской поэзии. В этой трактовке есть, однако, известная схематичность.

Зрелый Заболоцкий не мыслил себе сколько-нибудь полного издания своих стихов без ранних произведений, хотя многочисленные и часто весьма существенные изменения, внесенные в подготовленный им к печати в последние годы жизни текст «Столбцов» и поэмы «Торжество земледелия», говорят о том, что автор не остался глух к критике, которой подверглись эти произведения.

¹ Лидия Чуковская. В лаборатории редактора. М., 1960, стр. 257.

² Стихи Н. М. Олейникова не собраны. Некоторые из них, появившиеся в 1934 году в журнале «30 дней» (№ 10), были восприняты как запоздалое подражание «Столбцам» Заболоцкого (см. рецензию А. Тарасенкова в «Литературной газете», 1934, 10 декабря). Мнение это вряд ли основательно, и во всяком случае это литературное «родство» нуждается в дальнейшем изучении.

³ «Еж», 1929, № 4, стр. 24.

Видимо, ранний период творчества имел в глазах зрелого Заболоцкого ценность, несмотря на то что поэзия его с годами претерпела весьма резкие изменения.

Странный, причудливый мир «Столбцов», «Торжества земледелия» и других произведений поэта 1926—1933 годов невозможно объяснить и истолковать, не учитывая сложности самого времени, когда эти стихи создавались. Этот период — один из самых сложных и решающих в истории нашей страны.

Стремительность, с какой поначалу совершалось триумфальное шествие Советской власти, быстрота, с которой тот, кто, по словам «Интернационала», «был ничем», почувствовал себя «все», исторические дали, еще вчера казавшиеся почти недостижимыми, но вдруг придвинувшиеся, — все это породило в некоторых восторженных умах преувеличенные представления о скорости, простоте и безграничных возможностях общественного развития. То обстоятельство, что революция в кратчайшие сроки отторгла у старого мира одну шестую планеты, объясняет «космические» масштабы, к которым тяготели поэты «Кузницы». Преображение Земли казалось делом ближайшего будущего. Фантазия далеко обгоняла действительность, стучалась в двери других миров. Революция — коренное преобразование — казалась универсальным, безотказным ключом ко всем проблемам мироздания. Потребовались немалые усилия В. И. Ленина, для того чтобы растолковать опасность «преувеличения революционности, забвения граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов».¹

Нэповский быт обнаружил большую живучесть старого, чем это представлялось в годы наступления. Плакатная гидра капитализма показалась недавним мечтателям в своем будничном облики, повсюду подымая тысячи новых голов и приводя кое-кого в отчаяние своим кажущимся бессмертием после тех ударов, которые были на нее обрушены. Долгое время наше литературоведение рассматривало все произведения тех лет, в которых звучала тревога за судьбу революционных завоеваний в условиях нэпа, как проявление паники перед новой сложной действительностью. Конечно, сетования некоторых авторов были попросту наивны, о чем говорил В. И. Ленин на XI съезде РКП(б).² Однако вряд ли можно распространять эту оценку на многие произведения, появившиеся позже, когда общественно-политическая обстановка существенно изменилась. Больше того, думается, что совет-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 5-е, т. 44, стр. 223.

² Там же, т. 45, стр. 88.